

ПЕТИЦИОННЫЕ КАМПАНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ УРАЛА ПРОТИВ ЗАКРЫТИЯ ХРАМОВ В КОНЦЕ 1950 – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг.

О. Ю. Никонова, Ж. М. Красулина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматриваются основные формы борьбы православных верующих против сокращения количества церквей в конце 1950 – середине 1980-х гг.: открытые конфликты с властью, сидячие забастовки, массовые жалобные и петиционные кампании. Заявления, жалобы, ходатайства и протесты были каналом, через который происходила коммуникация граждан с центральной и местной властью по вопросам ограничения прав верующих, способом артикуляции конституционных прав. Для власти обращения православных были основой контроля за религиозной жизнью, мониторингом ситуации в группах религиозного населения. Исследование показало высокую активность уральских верующих в петиционных кампаниях. Анализ обращений позволяет сделать вывод об использовании верующими официального языка, апелляции к соблюдению советской Конституции. Спротивление верующих создавало барьеры на пути массового закрытия церквей. Протестная деятельность позволяла сохранить очаги религиозности в провинции, сплачивала верующее население. Борьба верующих за культовые учреждения хоть и не изменила генеральной линии партии в отношении религии и Церкви, но смягчила удары по церковной организации, сдерживала политику сокращения православных приходов.

Ключевые слова: православные верующие, советская власть, антирелигиозная пропаганда, формы сопротивления, религия.

Введение

С 1917 года и практически до конца 1980-х гг. советское государство методично боролось против религии и религиозности граждан. Одной из эффективных форм такой борьбы считалось закрытие учреждений религиозного культа – церквей, мечетей и молельных домов. Однако и сами представители власти, и наблюдатели за рубежом отмечали странные последствия «войны» с религией. Так, заместитель председателя Совета по делам религий при Совмине СССР И. И. Бражник в середине 1960-х гг. писал, что «...незаконное, поспешное закрытие церквей только увеличило религиозность» [1, л. 24]. А британский советолог В. Колларц однажды сказал, что существуют «две России»: официальная – Россия пятилетних планов и спутников и неофициальная – Россия верующих людей [2, л. 91]. Одним из маркеров сохранявшейся религиозности была активная позиция верующих в вопросе о сохранении количества культовых учреждений, которые были для них очагами поддержки религиозной жизни.

Выявление специфики взаимоотношений верующих и советского государства, форм их социального взаимодействия не только позволяет более полно реконструировать региональную историю церковно-государственных отношений, но и существенно дополняет ее сведениями о трансформации церковно-приходской жизни православного населения Урала под влиянием антирелигиозной политики государства.

Основными источниками для статьи послужили документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), содержащие данные

по истории православия на Урале в послевоенный период. Важным видом документов являются отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, а с 1965 г. – Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Последний возник путем объединения Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов. Кроме того, в своем исследовании мы опираемся на документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), которые отражают данные, в т. ч. статистические, о состоянии церковной жизни в СССР. В процессе написания работы были также задействованы документы региональных архивов: Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). В первую очередь, это делопроизводственная документация партийных организаций (протоколы партийных собраний, справки, отчеты).

Обзор литературы

Многие стороны региональной истории религиозной жизни в СССР до настоящего времени являются недостаточно разработанными в научном плане. Большинство исследований посвящено изучению феномена советской атеистической пропаганды, анализу основных направлений, форм и методов проведения антирелигиозных кампаний [3, 4]. В них недостаточно внимания уделяется вопросам изучения самих советских верующих, их коллективного поведения и практик приспособления и сопротивления. Данная тема нашла свое отражение в некоторых общих публикациях,

посвященных сопротивлению советского населения авторитарной системе [3], а также в специальных трудах по истории антирелигиозных кампаний, религии и православной церкви в СССР [5].

В целом в большей степени исследовано сопротивление верующих антирелигиозным кампаниям в довоенный период. В трудах А. С. Калининой, Н. В. Довгяло не только присутствует описание событий, но и предпринимаются попытки классификации форм сопротивления верующих. По мнению Калининой, к активным относятся выступления против закрытия храмов, коллективные прошения об открытии религиозных зданий, прошения об освобождении из-под ареста священнослужителей, исполнение религиозных обрядов вопреки запретам; к пассивным – призывы к бегству на территорию других стран, коллективные невыходы на работу во время религиозных праздников, отказы от социальной помощи государства, уклонение от участия в общегосударственных мероприятиях (например, в переписи населения) [6, с. 181–203]. Н. В. Довгяло делит протестные практики верующих на легитимные и нелегитимные. К первым он относит всевозможные жалобы, добровольный сбор средств для поддержания храмов, материальную помощь священнослужителям, строительство и ремонт молитвенных зданий, ко вторым – утаивание доходов, антисоветскую деятельность, преподавание религии, открытые выступления против антирелигиозных мероприятий советской власти и другие [7, с. 51]. История борьбы православных верующих в послевоенный период представлена в совместной работе Ю. В. Гераськина и А. Ю. Михайловского, рассматривающих проблему на примере Рязанской области. Исследователи фиксируют типичные формы протеста, охватывающие спектр от анонимных писем с прямой критикой партийно-государственного курса по отношению к Церкви до открытых конфликтов с властями [8, с. 63–69]. Существующая историография демонстрирует как недостаток эмпирических исследований, раскрывающих проблему на примере разных территорий, так и потребность интеграции знания о протестных практиках верующих в общеисторический контекст эпохи.

В связи с этим предпринята попытка вписать изучаемые феномены в сложившуюся историографическую традицию, рассматривающую СССР постсталинского периода как общество динамичного противостояния «населения» и «власти». В его рамках шел поиск путей модернизации негибкой авторитарной системы, оставшейся после смерти И. В. Сталина. В существующей историографии подчеркивается также, что многие протестные формы, фиксируемые историками для рассматриваемого периода, были продолжением сложившихся практик сопротивления, использовавшихся населением ранее.

Методы исследования

В данной статье обобщен уральский материал о протестах верующих против сокращения количества церквей в конце 1950 – середине 1980-х гг. и охарактеризованы особенности протестных практик с точки зрения исторической конфликтологии. В частности, в американской социологии (Л. Козер) конфликт рассматривается как одна из форм социального взаимодействия, которое при определенных условиях может иметь не только деструктивные, но и конструктивные (интегративные) последствия. Интегративная функция конфликта заключается в сплочении коллектива, установлении и поддержании нормативных и физических границ группы, установлении неформальной иерархии, в том числе выявлении неформальных лидеров [9, с. 24], что позволяет объяснить феномен усиления религиозной активности советских граждан вопреки ожидавшимся результатам антирелигиозных кампаний. В одной из ключевых монографий, посвященных проблеме конфликтных взаимоотношений «населения» и «власти», В. А. Козлов характеризует, опираясь на историософские построения А. С. Ахиезера и А. В. Оболонского, достаточно патриархатный порядок конфликтов в СССР. В частности, он пишет о том, что протесты советских граждан чаще всего были направлены на конкретных представителей власти или конкретные институты или организации, а не на систему в целом, участники конфликтов нередко проявляли аполитичность и стратегическую лояльность по отношению к существующей власти [3, с. 32–34].

Результаты и дискуссия

Закрытие храмов и монастырей стало одной из наиболее радикальных форм борьбы против религиозности в СССР во второй половине XX в. Как отмечает В. А. Козлов, хрущевское время было этапом, когда население страны пытались увлечь обещаниями «немедленного коммунизма» и возвращения к ленинским идеалам. Активная пропаганда близкого коммунистического будущего происходила под аккомпанемент усиленной борьбы с «религиозными пережитками». Так, 16 октября 1958 г. Совет Министров СССР принял постановление «О монастырях в СССР», согласно которому предполагалось в 1959–1960 гг. сократить «путем укрупнения» 29 монастырей и скитов из 63 имеющихся на территории СССР. Уже к августу 1960 г. было закрыто 25 монастырей и 5 скитов [7, с. 262–266]. По данным диссидентских изданий, к 1975 г. в СССР действовало лишь 7500 церквей, была закрыта практически половина церковных учреждений, восстановленных в годы Великой Отечественной войны [10, с. 191]. В регионах, как отмечает Т. А. Чумаченко, «...местные власти “трудились” столь напряженно, что Совет принял решение рассматривать вопросы о снятии с регистрации религиозных обществ ежедневно,

по вторникам» [11, с. 87]. В результате методы «ликвидации» напоминали кампанию по закрытию монастырей и церквей в 1920-е гг.: монашеские насильно развозились по «местам, выбранным ими для проживания», церкви закрывались, демонстративно снимались колокола и кресты, разбивались иконостасы.

Масштабная антицерковная кампания (1958–1964 гг.) натолкнулась на стихийные протесты верующих по всей стране, нередко были случаи открытого сопротивления представителям местной власти. На Урале к началу 1960-х гг. было зафиксировано свыше 50 фактов выступлений верующих. К середине 1960-х гг. их число увеличилось вдвое [12, л. 24].

Стихийные протесты проходили примерно по одному и тому же сценарию: сначала без учета мнения верующих органами исполнительной власти решался вопрос об изъятии здания храма под зернохранилище или дом культуры. Из здания выносили без описи всю церковную утварь и начинали его переоборудование. Это вызывало стихийное собрание верующих, которые требовали открыть храм и вернуть изъятые церковные ценности. Иногда степень возмущения толпы приводила к дракам с представителями местных властей, как это было в православной общине с. Быньги Свердловской области [13, л. 26]. Верующие из с. Молебка Пермской области собрались в ограде закрытой церкви после того, как местные власти повесили на ее ворота замок, и пытались самовольно проникнуть в опечатанный храм. На следующий день около 15 жителей села собрались на площади у здания местной администрации и демонстративно, на глазах у чиновников, стали проводить богослужение, стоя на коленях [14, л. 30]. Случалось, что выступавшие с протестом верующие добивались успеха. Так, в 1959 г. в Чишминском районе Башкирской АССР несколько рабочих во главе с прорабом приступили к разбору кирпичной ограды сельского храма. Спустя короткий промежуток времени из ближайших к храму домов выбежало несколько женщин, которые начали сбрасывать погруженный в грузовик кирпич. На звуки набата у храма собралась большая толпа, угрожавшая рабочим и прорабу расправой, если они не перестанут разбирать ограду [15, л. 23]. Рабочие вынуждены были покинуть село ни с чем.

Высокая степень неопределенности ситуации с культовыми учреждениями, распространение слухов об их массовом закрытии лишь подогревали конфликты верующих с властями. В 1960-е гг. возникали все новые очаги протестов. Административные, силовые способы давления на верующих вызывали ответное открытое сопротивление. В марте 1960 г. драматические события разыгрались в г. Златоусте Челябинской области. При участии уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви В. Г. Салова в городе была

ликвидирована церковь. Здание было снесено бульдозерами за час, перед этим из церкви было поспешно вывезено культовое имущество. Это вызвало возмущение верующих и даже «...распространение паники» [3, с. 266]. Слухи о событиях в Златоусте дошли до Челябинска, где практически одновременно был отобран регистрационные справки у духовенства и прекращена служба в Свято-Симеоновском храме. В результате в течение 10 дней из Челябинска в Москву, в Совет по делам Русской православной церкви, приехали три делегации верующих. Властям пришлось пойти на частичные уступки и возобновить службу в челябинском соборе [16, л. 7].

В состоянии отчаяния и безысходности верующие охотно группировались вокруг местных православных лидеров из числа наиболее активных мирян. Среди лидеров стихийных выступлений, как правило, преобладали люди пожилого возраста, в основном женщины, которые с присущей им эмоциональностью остро реагировали на случаи несправедливости в отношении себя и единоверцев [17, л. 27]. Когда в одном из сел Оренбургской области 3 августа 1964 г. сгорело здание сельской церкви, верующие заподозрили в организации пожара местные власти. На следующий день толпа верующих (примерно 12 человек), возглавляемая П. И. Кукарцевой (56 лет), М. П. Подосинниковой (60 лет) и С. И. Масловой (63 года) направилась в сторону сельсовета с гневными выкриками: «Местные власти творят произвол в отношении нас – верующих. В Конституции же сказано, что верить в Бога у нас не запрещено, призываем вас закон соблюдать!» [18, л. 12]. Вдоволь накричавшись возле сельсовета, верующие вернулись к месту пожара: кто-то из присутствующих принес туда псалтырь и другие духовные книги, люди их читали, молились и даже окропляли пожарище святой водой, позже к ним присоединилось еще несколько прихожан бывшей церкви из соседних сел. Такая своеобразная «сидячая забастовка» продолжалась несколько дней. Аналогичные протесты были зафиксированы и в отчетах пермского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви [19, л. 20].

Борьба верующих за церкви во многом носила дуальный характер. Стихийные выступления против закрытия культовых зданий соседствовали с массовой практикой подачи ходатайств об открытии ранее закрытых и долгое время пустующих церквей. Письма верующих во властные структуры и связанные с ними заявления, жалобы и протесты являлись важнейшим каналом взаимоотношений простых граждан с центральной и местной властью в сфере религиозной политики. Эта форма «взаимодействия» с властью сложилась уже в довоенный период и закрепилась в практиках верующих как легитимная с момента институционализации Русской православной церкви в совет-

ском государстве в разгар Великой Отечественной войны. Усилившаяся в момент драматических испытаний религиозность населения, а также общая либерализация позиции сталинского руководства по отношению к церкви привела к превращению подачи заявлений верующих об открытии храмов в массовое явление.

В конце 1950 – середине 1960-х гг. петиционные кампании стали устойчивой формой протеста против антицерковных мероприятий советской власти. Протестные практики верующих вписываются в общие образцы, характерные для конфликтов «населения» с «властью», о которых пишет В. А. Козлов. Так, с ограничениями церковной жизни верующие пытались бороться жалобами на «административные перегибы». Основными нарушителями законности в письмах и жалобах верующих предстают низшие властные инстанции. Высказывания о том, что все делает местная власть, а в центре об их действиях даже не догадываются, были типичными объяснениями ситуациями для большинства советских верующих. Локальных руководителей обвиняли в жестокости и издевательствах над простыми людьми. По мнению советских верующих, они проявляли сепаратизм, отказывались признавать распоряжения центра. «Пишите, сколько хотите. Все ваши жалобы – макулатура. Я имею неограниченную власть. Скажу слово, и по моему слову земной шар перевернется. Вел себя с нами цинично, дерзко, грубо», – так жаловались верующие Оренбургской области на местного прокурора Пономарева. Далее эти же верующие писали: «При ссылке на газетную статью В. А. Куроедова, председателя Совета по делам религий, прокурор Пономарев сильно возмутился: «Что нам этот Куроедов! Пошел он! Он нам не закон». Вот сейчас подожжем вашу церковь, пусть все сгорит» [20, л. 19]. И, как это было и раньше, жалобы на местных бюрократов направлялись представителям высшего руководства страны.

Притеснение верующих на местах приводило к кризису доверия к советской власти в целом: «С чем связано это издевательство над людьми, почему органы власти, гласно объявив им их права, толкнули верующих, чтобы они просили открытия церкви, а потом отказывают им. Неужели у нас нет ни одного справедливого органа, который может встать на защиту закона. В семьях этих стариков растет молодое поколение, которое видит эти нарушения, с каким сознанием они могут развиваться?» – писали верующие из Башкирской АССР [12, л. 10].

Брежневское руководство, отказавшись от наиболее одиозных действий, тем не менее не стремилось к нормализации отношений с верующими. В ответ развернулась настоящая петиционная «война» с чиновниками. Верующие использовали практику сопротивления, которая ино-

гда была эффективной даже в условиях хрущевской «войны с религией». Безусловными лидерами в создании массовых писем были жители крупных городов, они были лучше подкованы в правовых вопросах (многие из них признавались, что перед тем как обращаться с официальными обращениями в органы власти, они знакомились с юридической литературой, имевшейся в фондах городских библиотек) [2, л. 17]. В середине 1960 – конце 1970-х гг. прихожане религиозных общин Свердловской, Пермской, Оренбургской и Челябинской областей направили в Генеральную прокуратуру СССР более 200 жалоб на действия местных властей, причастных к вынесению решений по передаче храмов верующим [2, л. 14]. В середине 1980-х гг. в Совет по делам религий пришло более 1000 писем о возвращении зарегистрированным православным сообществам церковных зданий, закрытых под предлогом сноса как аварийных (Свердловская область – 320 заявлений, Пермская область – 278, Оренбургская область – 276, Челябинская область – 270, Курганская область – 226) [21, л. 58]. Значительный рост жалоб свидетельствует как о накопленном опыте сопротивления у верующих, так и о деградации репрессивных механизмов авторитарного режима.

В конце 1970 – середине 1980-х гг. стала распространяться особая категория писем, в которой откровенно критически оценивалась советская религиозная политика и крайне резко критиковались мероприятия властей в отношении верующих. Критика власти в жалобных текстах строится по образцу правозащитных кампаний: употребляются такие языковые конструкции, как «нарушение социалистической законности», «произвол в области прав человека». Верующие апеллировали к общим ценностным ориентирам советского послевоенного общества, которые пропагандировались в официальном дискурсе. В письмах сообщалось, что «...добросовестные и честные труженики, примерные семьянины и патриоты страны, которые хотят молиться за Родину, подвергаются дискриминации единственно за то, что они верующие» [22, л. 36].

Выводы

В условиях авторитарной политической системы коммуникация протестных групп с властью часто принимала характер массовых жалобных кампаний, петиций и «писем во власть». Материалы петиционных кампаний верующих демонстрируют, с одной стороны, активное использование легитимных практик сопротивления антирелигиозным кампаниям в СССР, сформированных на протяжении длительного периода. Аргументация протестных писем строилась в соответствии с выявленным исследователями каноном жалобных писем, апеллировавших к советской конституции, социалистической законности и возлагавших вину за «перегибы» на представителей мест-

ной исполнительной власти. Борьба верующих против сокращения количества церквей хоть и не меняла генеральную линию партии в отношении религии и Церкви, но все-таки выступала корректирующим фактором в конфликте «населения» и «власти», служила своеобразным индикатором настроений среди верующих, оказывала на власть определенное дисциплинирующее воздействие. В ряде случаев ликвидацию культовых учреждений удавалось приостановить и даже добиться решения об отмене. За наиболее одиозные «перегибы» местные власти получали выговор от вышестоящих инстанций и обвинялись в администрировании. Так, многочисленные сообщения «о грубом отношении к верующим» были поддержаны Генеральной прокуратурой [6, с. 642]. Петиционные кампании в результате приводили к административной сдержанности локального руководства.

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Государственное задание Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [номер госрегистрации № АААА-А20-120072890030-2] (проект № FENU-2020-0021).

Литература

1. РГАНИ. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 9.
2. РГАНИ. – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 10.
3. Козлов, В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.) / В. А. Козлов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 463 с.
4. Чаусов, А. И. Эволюция советской атеистической пропаганды с середины 50-х по начало 80-х гг. XX в. (по материалам Новгородской области) : дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2010.
5. Цыпин, В. История Русской церкви / В. Цыпин. – Кн. 9: 1917–1997. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831 с.
6. Калинина, А. С. Христианские конфессии Советской Беларуси в 1929–1939 гг.: активные и пассивные формы сопротивления / А. С. Калинина // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 3–4. – С. 181–203.
7. Довгяло, Н. В. Массовые выступления верующих против антирелигиозной политики государства в БССР в 1928–1930 гг. / Н. В. Довгяло // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 51–54.
8. Гераськин, Ю. В. Из истории борьбы православных верующих Рязанской области против закрытия церквей в советский период / Ю. В. Гераськин, А. Ю. Михайловский // Рязанский богословский вестник. – 2018. – № 1. – С. 63–69.
9. Козер, Л. Функции социального конфликта ; пер. с англ. О. Назаровой / Л. Козер. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205с.
10. Алексеева, Л. М. История инакомыслия в СССР: новейший период / Л. М. Алексеева. – 3-е изд., стер. – М. : Моск. Хельсинк. группа, 2012. – 384 с.
11. Чумаченко, Т. А. Государство и Русская православная церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими / Т. А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 19. – С. 82–90.
12. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 2364.
13. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1464.
14. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1775.
15. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1780.
16. ОГАЧО. – Ф. Р-282. – Оп. 3. – Д. 778.
17. ОГАЧО. – Ф. П-421. – Оп. 2. – Д. 209.
18. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1786.
19. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 1875.
20. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 2109.
21. ЦДОСО. – Ф. 4. – Оп. 53. – Д. 111.
22. Макарова, Д. Ю. Атеистическая пропаганда в СССР в 1954–1964 годах (на материалах Курской области) / Д. Ю. Макарова // Известия Саратовского университета. – 2013. – № 3. – С. 33–39.

Никонова Ольга Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: olga-nikonova@yandex.ru. ORCID 0000-0002-0100-6581

Красулина Жанна Мурадовна, аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: krasulina.zhanna@mail.ru. ORCID 0000-0001-5302-6711

Поступила в редакцию 1 марта 2021 г.

PETITIONAL CAMPAIGNS OF THE URAL ORTHODOX BELIEVERS AGAINST THE CLOSING OF THE CHURCHES IN THE LATE 1950 – MID-1980s.

O. Yu. Nikonova, Zh. M. Krasulina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the main forms of Orthodox struggle against the reduction in the number of churches in the late 1950 – mid 1980s. – open conflicts of believers with power, sit-in strikes, mass complaints and petition campaigns. The struggle for religious institutions, although it has not changed the party's general line regarding religion and the Church but softened the attacks on the church organization, restrained the policy of reduction of Orthodox parishes.

Keywords: Orthodox believers, Soviet power, anti-religious propaganda, forms of resistance, religion.

References

1. RGANI [RSANH]. F. 72. Op. 1. D. 9.
2. RGANI [RSANH]. F. 72. Op. 1. D. 10.
3. Kozlov V.A. Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-h gg.) [Mass Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)]. 3-e izd., ispr. i dop. M.: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2010. 463 s.
4. Chausov A.I. Evolyutsiya sovetskoy ateisticheskoy propagandy s serediny 50-kh po nachalo 80-kh gg. XX v. (po materialam Novgorodskoy oblasti) [The Evolution of Soviet Atheistic Propaganda from the mid-50s to the Early 80s. XX Century (Based on Materials from the Novgorod Region)]: dis. ... kand. ist. nauk. SPb, 2010.
5. Tsyplin V. Istoriya Russkoy tserkvi [History of the Russian Church]. Kn. 9: 1917–1997. M.: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997. 831 s.
6. Kalinina A.S. Khristianskie konfessii Sovetskoy Belarusi v 1929–1939 gg.: aktivnye i passivnye formy soprotivleniya [Christian Denominations of Soviet Belarus in 1929–1939: Active and Passive Forms of Resistance] // *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2013. № 3-4. S. 181–203.
7. Dovgialo N.V. Massovye vystupleniya veruyushchikh protiv anti-religioznoy politiki gosudarstva v BSSR v 1928–1930 gg. [Mass Demonstrations of Believers Against the Anti-Religious Policy of the State in the BSSR in 1928–1930.] // *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2020. № 1. S. 51–54.
8. Geras'kin Yu.V., Mikhaylovskiy A.Yu. Iz istorii bor'by pravoslavnykh veruyushchikh Ryazanskoy oblasti protiv zakrytiya tserkvey v sovetskiy period [From the History of the Struggle of Orthodox Believers in the Ryazan Region Against the Closure of Churches in the Soviet Period] // *Ryazanskiy bogoslovskiy vestnik*. 2018. № 1. S. 63–69.
9. Kozer L. Funktsii sotsial'nogo konflikta; per. s angl. O. Nazarovoy [The Functions of Social Conflict]. M.: Ideya-Press: Dom intellektual'noy knigi. 2000. 205 s.
10. Alekseeva L.M. Istoriya inakomysliya v SSSR: noveysiy period [History of Dissent in the USSR: the Latest Period]. 3-e izd., ster. M.: Mosk. Khel'sink. gruppa. 2012. 384 s.
11. Chumachenko T.A. Gosudarstvo i Russkaya pravoslavnaya tserkov' v 1958–1964 godakh: novaya politicheskaya voyna s religiey, tserkov'yu i veruyushchimi [The State and the Russian Orthodox Church in 1958–1964: a New Political War with Religion, Church and Believers] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 19. S. 82–90.
12. GARF [SARF]. F. R-6991. Op. 6. D. 2364.
13. GARF [SARF]. F. R-6991. Op. 1. D. 1464.
14. GARF [SARF]. F. R-6991. Op. 1. D. 1775.
15. GARF [SARF]. F. R-6991. Op. 1. D. 1780.
16. OGACHO [USACR]. F. R-282. Op. 3. D. 778.
17. OGACHO [USACR]. F. P-421. Op. 2. D. 209.
18. GARF [SARF]. F. R-6991. Op. 1. D. 1786.
19. GARF [SARF]. F. R-6991. Op. 1. D. 1875.
20. GARF [SARF]. F. R-6991. Op. 6. D. 2109.

21. TSDOOSO [CDCOSR]. F. 4. Op. 53. D. 111.

22. Макарова, Д. Ю. Атеистическая пропаганда в СССР в 1954–1964 годах (на материалах Курской области) / Д. Ю. Макарова // Известия Саратовского университета. – 2013. – № 3. – С. 33–39.

Olga Yu. Nikonova – dean of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Zhanna M. Krasulina – post-graduate student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: krasulina.zhanna@mail.ru

Received March 1, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Никонова, О. Ю. Петиционные кампании православных верующих Урала против закрытия храмов в конце 1950 – середине 1980-х гг. / О. Ю. Никонова, Ж. М. Красулина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 27–33. DOI: 10.14529/ssh210204

FOR CITATION

Nikonova O. Yu., Krasulina Zh. M. Petitional Campaigns of the Ural Orthodox Believers against the Closing of the Churches in the Late 1950 – Mid-1980s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 27–33. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210204
